

51147

Е. П. Грифилевъ.

01.

*Многуважаему
Сергею Викторову
Савилову
адресу*

ВЪ ССЫЛКЪ.

—◆—
КЪ БЮГРАФИИ

Василія Назаровича Каразина.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“, Клочковская ул., № 5-й.

1910.

Е. П. Трифилевъ.

8137

30
ВЪ ССЫЛКЪ.

—◆—
КЪ БЮГРАФИИ

Василія Назаровича Каразина.

ЦЕНТРАЛНА НАУКОВА

БИБЛИОТЕКА

82852

51147

№ 57147
1906 г. р.

✓45

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“, Клочковская ул., № 5-й.
1910.

89 99

Проверено
1938

08

81
72

ВЪ ССЫЛКЪ.

Къ біографіи Василя Хазаровича Каразика.

Въ то время когда шло слѣдствіе объ извѣстномъ возмущеніи солдатъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка противъ своего командира полковника Шварца, была найдена на дворѣ Преображенскаго полка прокламація, призывавшая преображенцевъ къ возстанію въ защиту товарищей—семеновцевъ. «Божіимъ благоволеніемъ приношу жалобу отъ Семеновскаго полка Преображенскому за притѣсненіе оныхъ начальниками, такъ начинается неизвѣстный авторъ свое воззваніе. Господа войны Преображенскаго полка. Вы почитаетесь первый полкъ Россійскій, потому вся Россійская Армія должна повиноваться вамъ. Смотрите на горестное наше положеніе! Ужасная обида начальниковъ довела весь полкъ до такой степени, что всѣ принуждены оставить оружіе и отдаться на жертву злобѣ сихъ тирановъ, въ надеждѣ, что всякій изъ воиновъ, увидя невинность, защититъ насъ отъ безсильныхъ и гордыхъ дворянъ. Они давно уже изнуряютъ Россію чрезъ общее наше слѣпое къ нимъ повиновеніе». Далѣе авторъ указываетъ на бѣдственное положеніе простого народа, которое происходитъ отъ того, что некому о нуждахъ народа позаботиться, отъ того, что «въ судебныхъ мѣстахъ нѣтъ правосудія для бѣдняка», описываетъ угнетеніе крѣпостныхъ работами. Виновниками всѣхъ этихъ неурядицъ авторъ прокламаціи считаетъ государя и тирановъ-дворянъ. Онъ предлагаетъ замѣнить ихъ выборными начальниками, избраніе которыхъ должно быть основано на безпристрастныхъ законахъ¹⁾.

И по почерку, и по выраженіямъ прокламаціи былъ заподозрѣнъ въ авторствѣ В. Н. Каразинъ. Основательность этого подозрѣнія въ глазахъ государя и окружавшихъ его лицъ увеличилъ самъ Каразинъ.

¹⁾ Впервые эта прокламація стала извѣстна въ прошломъ году, напечатанная извѣстнымъ нашимъ историкомъ В. И. Семевскимъ въ его изслѣдованіи: «Волненіе въ Семеновскомъ полку въ 1820 г.». Былое, 1907, II, 83—86. До этого времени была извѣстна часть другой, краткой прокламаціи, цитируемой Шильдеромъ.

Нужно вспомнить, что въ это именно время Каразинъ писалъ свою объяснительную записку государю, въ которой онъ подвергаетъ очень рѣзкой критикѣ дѣйствія правительства по различнымъ вопросамъ внутренней жизни Россіи. Въ ней Каразинъ возстаетъ противъ религіозныхъ гоненій, противъ господства мистицизма, негодуетъ на злоупотребленія въ различныхъ вѣдомствахъ, въ проявленіяхъ помѣщичьей власти надъ крѣпостными.

Здѣсь же Каразинъ высказывается и по поводу Семеновской исторіи. Какъ извѣстно, она возбудила большую тревогу въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Это возмущеніе разсматривали какъ проявленіе того «вольнаго духа», которымъ было заражено все общество и который стремились всяческими мѣрами искоренить. На этой же точкѣ зрѣнія стоялъ и императоръ. Въ письмѣ къ Аракчееву государь пишетъ: «Никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ, чтобы сіе происшествіе было вымышлено солдатами или происходило единственно какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными полковника Шварца... Признаюсь, что я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ, въ сообщеніяхъ между собою и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и работа въ Троппау»¹⁾. Каразинъ на весь этотъ случай смотрѣлъ совершенно иными глазами. По его мнѣнію это происшествіе «не такъ страшно, какъ нѣкоторые здѣсь воображали, говорили, и какъ, можетъ быть, донесли государю». Виновенъ во всемъ полковникъ Шварцъ—«тиранъ», какъ онъ его называетъ. Поведеніе солдатъ—выше всякой похвалы. Каразинъ не находитъ словъ для выраженія своего восторга по этому поводу. «О, народъ единственный, восклицаетъ онъ, я становлюсь предъ тобой на колѣни: слезы наполняютъ глаза мои. Я горжусь тѣмъ, что къ тебѣ принадлежу»!....²⁾.

О возникновеніи подозрѣнія на Каразина гр. Кочубей писалъ Дибичу: «по сличеніи поддѣльнаго пасквиля сего съ почеркомъ г. Каразина, по нѣкоторымъ выраженіямъ сего послѣдняго и по безпокойному нраву его пало подозрѣніе, что пасквиль могъ написанъ быть г. Каразинымъ, и государь императоръ, уже имъ недовольный, получивъ пасквиль, если не ошибаюсь, въ Лайбахѣ, и сомнѣваясь по многимъ другимъ бумагамъ г. Каразина, что онъ дѣйствительно могъ имъ быть написанъ, повелѣтъ изволилъ мнѣ и гр. Милорадовичу взять бумаги г. Каразина, а самого его отправить въ Шлиссельбургскую крѣпость, что и было тогда же исполнено»³⁾.

¹⁾ В. И. Семевскій. Былое, 1907, I, 34—35.

²⁾ Рус. Стар. 1870, III, 16—17.

³⁾ В. И. Семевскій. Былое, 1907, II, 95—96.

Именно, 26 ноября 1820 г. Каразинъ былъ арестованъ и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Освобожденный только черезъ 6 мѣсяцевъ онъ по Высочайшему повелѣнію былъ доставленъ съ фельдгеремъ въ Харьковъ и сданъ тогдашнему Слободско-Украинскому губернатору Муратову. Послѣдній 4 іюня съ полицейскимъ чиновникомъ отправилъ Каразина въ его имѣніе Кручикъ Богодуховскаго уѣзда Харьковской губерніи. Здѣсь, въ Кручикѣ, Каразинъ долженъ былъ безвыѣздно жить, причемъ губернатору поручено было «имѣть неослабное наблюденіе, чтобы онъ никуда не выѣзжалъ, обращая вниманіе и на людей, съ коими онъ будетъ имѣть сношеніе, и чѣмъ самъ будетъ заниматься». Къ этому впоследствии было прибавлено, чтобы переписка Каразина производилась не иначе, какъ черезъ губернатора ¹⁾.

«Ссылка В. Н. Каразина, говоритъ его новѣйшій біографъ, г. Тихій, продолжалось до конца 1826 г., слѣдовательно, около 6 съ половиною лѣтъ ²⁾. О жизни въ [э]тотъ періодъ времени Каразина мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній» ³⁾.

Между тѣмъ въ архивѣ Мин. Внутр. Дѣлъ хранится одно дѣло о Каразинѣ, заключающее въ себѣ обширное прошеніе Каразина къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, гр. В. П. Кочубею, письмо его къ губернатору Муратову и резолюцію на прошеніе государя. Эти документы относятся именно къ этому періоду жизни Каразина, до сихъ поръ остававшемуся совершенно неизвѣстнымъ. Они и положены въ основаніе настоящаго очерка.

Заключеніе Каразина въ Шлиссельбургъ было окружено такой тайной, что даже близкія и интересующіяся его судьбой лица не знали, гдѣ онъ содержится. Только женѣ по разрѣшенію гр. Кочубея Каразинъ могъ одинъ разъ написать нѣсколько строкъ, но запрещено было обозначать мѣсто заключенія. Женѣ было разрѣшено писать мужу чаще, за время полугодового заключенія Каразину было переслано 5 писемъ отъ жены ⁴⁾. Когда онъ послѣ своего освобожденія изъ заключенія былъ доставленъ въ Харьковъ, самыя мрачныя и тяжелыя предчувствія томили его. Объ этомъ душевномъ состояніи и объ опасеніяхъ, его угнетавшихъ, за участь семьи и своего матеріальнаго положенія лучше всего свидѣлствуетъ одно изъ писемъ на имя кн. П. М. Волконскаго, написанное Каразинымъ въ день своего возвращенія въ Харьковъ.

¹⁾ Записка слободско-украинскаго губернатора Муратова о ст. сов. Каразинѣ. Рус. Стар., 1900, VII, 153.

²⁾ Не совсѣмъ точно: съ 4 іюня 1821 г. до конца 1826 г. прошло 5½ лѣтъ.

³⁾ В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. От. изъ журнала Кіев. Старина. Кіевъ, 1905, 238.

⁴⁾ В. И. Семевскій. Былое, 1907, II, 107.

Выражая кн. Волконскому «глубочайшую-сердечную благодарность за содѣйствіе къ облегченію участи», Каразинъ продолжаетъ: «Въ чемъ оная будетъ теперь состоять—я еще не знаю. Все мое существо раздавлено и раздроблено. Имѣлъ я добрую жену и семерыхъ дѣтей—не знаю, гдѣ они и когда съ ними увижусь. Имѣлъ доброе имя—лишили его невозвратно. Имѣлъ маленькое состояніе,—оно, вѣроятно, должно исчезнуть, ибо мои кредиторы, пользуясь моимъ уничиженіемъ, заставляютъ продать его за безцѣнокъ. Я думаю, что въ несчастные эти шесть мѣсяцевъ заемныя письма и закладныя предъявлены, и мнѣ не дадутъ никакой пощады. Сжальтесь надъ бѣднымъ моимъ имуществомъ, добродушнѣйшій князь! Исходатайствуйте мнѣ у монарха позволеніе написать *последнее* письмо въ собственныя руки его императорскаго величества....

....Я имѣю нужду успокоить мою совѣсть, не бывши увѣренъ въ долѣе продолженіи моей жизни. Я почитаю себя обязаннымъ передъ Богомъ и государемъ представить мой поступокъ съ истинной точки зрѣнія, дабы испросить не себѣ, но несчастному своему семейству нѣкоторую пощаду, нѣкоторую помощь.

Р. S. Простите безобразію сего письма: оно отвѣчаетъ моему душевному и тѣлесному состоянію» ¹⁾).

Просимаго позволенія не было дано Каразину, а его попытка добиться улучшенія косвеннымъ путемъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ, не только не достигла своей цѣли, но сдѣлала это положеніе еще болѣе тяжелымъ. Прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ жизни Каразина въ ссылкѣ, въ Кручикѣ, а между тѣмъ самыя худшія опасенія его начинаютъ сбываться.

17 декабря 1821 года Каразинъ обращается къ тогдашнему Слободско-Украинскому губернатору В. Г. Муратову съ просьбой доставить при свиданіи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ В. П. Кочубеемъ, его прошеніе. Въ этомъ же письмѣ къ губернатору Каразинъ проситъ его похлопотать о присылкѣ ему еще недоставленныхъ его бумагъ изъ числа тѣхъ, которыя были съ нимъ въ С.-Петербургѣ: хотя 4 тюка этихъ бумагъ онъ получилъ, но среди нихъ онъ не нашелъ бумагъ, относящихся къ статистикѣ, химіи и т. п., а также не нашелъ 10 или 12 тетрадей своей дневной записки. Вотъ это письмо:

«Милостивый Государь, Василий Гавриловичъ!

Позвольте мнѣ быть увѣреннымъ, что Ваше Превосходительство при свиданіи Вашемъ съ Его Сіятельствомъ графомъ Викторомъ Павловичемъ изволите ему вручить прилагаемое при семъ письмо. Мое положеніе достаточно оправдываютъ предъ нимъ какъ мою смѣлость къ нему относиться, такъ и

¹⁾ Д. П. Миллеръ. Арестъ и ссылка В. Н. Каразина. Ист. Вѣст. 1900, III, 1052—1053.

Вашъ подвигъ въ мою пользу. Еще покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, при удобномъ случаѣ изустно донести Его Сіятельству отъ меня, что, разобравъ присланные ко мнѣ чрезъ посредство Ваше четыре тюка бумагъ моихъ, я не нахожу нѣкоторыхъ изъ нихъ, весьма для меня цѣнныхъ, кои, сколько вспомнить могу, были въ С.-Петербургѣ. Всѣ онѣ, я думаю, невинны и для Правительства не могутъ понадобиться. Почему я и беру смѣлость умолять о ихъ мнѣ возвращеніи. Большая часть оныхъ относятся или къ Статистикѣ или къ Химіи и другимъ наукамъ, составляющимъ предметъ моихъ упражненій. Дневная моя записка, которую я веду съ дѣтскихъ лѣтъ и которой 10 или 12 тетрадей были со мною въ С.-Петербургѣ, сего послѣдняго рода.

Въ прочтемъ ввѣряя все это снисходительному Вашему ко мнѣ расположенію, равно какъ и извѣстной мнѣ просвѣщенной справедливости Графа, имѣю честь быть съ совершенною преданностью и глубокимъ почтеніемъ Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугой. Василий Каразинъ.

Декабря 17 1821 г.,
село Кручики.

Р. С. Извѣстный уже Вашему Превосходительству Г. Генигсгофъ, благородный австріецъ, присланный къ дѣтямъ моимъ изъ С.-Петербурга, всепокорнѣйше просить васъ, Милостивый Государь, взять на себя приложенное здѣсь его письмо доставить Австрійско-Императорскому посланнику, чрезъ вѣрныя руки, или буде возможнымъ сочтете, то и лично».

При этомъ письмѣ было приложено прошеніе на имя графа В. П. Кочубея. Въ немъ Каразинъ проситъ министра довести до свѣдѣнія государя о томъ бѣдственномъ матеріальномъ и душевномъ состояніи, которое онъ испытывалъ вслѣдствіе распространившагося извѣстія о его заключеніи.

Предчувствіе о судьбѣ имѣнія и о кредиторахъ, которое Каразинъ высказываетъ, какъ мы видѣли, въ письмѣ къ кн. Волконскому, оправдалось.

«Подносителъ сего можетъ сказать Вашему Сіятельству, пишетъ Каразинъ, что молва, дошедшая въ здѣшній край о моемъ заключеніи, *прежде всего* привела въ движеніе нашихъ (съ женою) кредиторовъ. Едва ли кто изъ нихъ остался, кто бы не предъявилъ своихъ бумагъ. Между тѣмъ безвыѣздное мое пребываніе въ деревнѣ лишаетъ меня способовъ защищать свои дѣла или приводить ихъ въ порядокъ. Тѣ же обстоятельства совсѣмъ разстраиваютъ воспитаніе нашихъ бѣдныхъ дѣтей». Но заключеніе и ссылка въ имѣніе отразились не только на матеріаль-

номъ состояніи Каразина: и онъ, и его семья почти для всѣхъ знакомыхъ были какъ зачумленные.

«Какой то заразительный страхъ объялъ всѣхъ знакомыхъ нашихъ», пишетъ далѣе Каразинъ. Немногіе у насъ были! Иные избѣгаютъ даже отвѣтовъ на письма наши... Благодареніе Провидѣнію, милующему Россію! Гнѣвъ Самодержца есть доселѣ нѣчто весьма важное въ областяхъ отдаленныхъ: онъ наполняетъ души народа *ужасомъ* въ полномъ смыслѣ слова».

При такихъ условіяхъ жить было крайне тяжело. «Себѣ собственно, пишетъ Каразинъ въ другомъ мѣстѣ своего прошенія, я не испрашиваю никакой пощады. Но заключеніе мое тяжело для моего безвиннаго семейства. Оно его приводитъ въ уныніе, въ ужасъ и удручаетъ во всѣхъ отношеніяхъ».

Правда, можно было бы по мнѣнію Каразина измѣнить эти условія, по крайней мѣрѣ для дѣтей и жены, если бы послѣднія переселились въ небольшое имѣніе въ Московской губерніи ¹⁾, принадлежащее дѣтямъ, «но изъ поступковъ моей жены, пишетъ Каразинъ, и вамъ лично извѣстныхъ, и тѣхъ, которые можетъ Вамъ рассказать знающій ее коротко почтенный и любезный намъ вручитель письма, Ваше Сіятельство сами будете судить, что эта нѣжная, рѣдкая супруга, эта добрая христіанка никогда не рѣшится меня оставить, а тѣмъ менѣе предать меня на жертву злымъ людямъ и моимъ горестнымъ обстоятельствамъ». Ъхать же и Каразину съ семьей въ Московское имѣніе, если бы харьковская ссылка была замѣнена ему ссылкой въ подмосковную деревню, онъ не находилъ возможнымъ: нужно было бы продать Кручикъ, а этого нельзя было сдѣлать какъ по личнымъ причинамъ, такъ и по соображеніямъ, касающимся интересовъ его крестьянъ. «Не имѣя никакого права преклонять на жалость *личными мнѣ* причинами, которыя сдѣлають сіе лишеніе самымъ горькимъ, я спрошу только у сострадательнаго сердца Вашего Сіятельства, каково будетъ моимъ поселянамъ достаться въ безпредѣльную власть неизвѣстнаго имъ помѣщика, послѣ того какъ они вѣкъ изжили щастливо и какъ 16 лѣтъ имѣють правила, отличающія ихъ отъ казенныхъ поселянъ только тѣмъ, что у нихъ есть *безсмѣнный* начальникъ и защитникъ? Самая эта привычка ихъ къ нѣкоторой свободѣ и чувства, развившіяся особливо въ грамотныхъ изъ нихъ не могутъ привлекать и покупщиковъ, напр., винокуренныхъ заводчиковъ, которые одни только въ нашемъ краю имѣють капиталы».

¹⁾ Сельцо Анашкино Звенигородскаго уѣзда Московской губерніи.

При такихъ обстоятельствахъ для него ничего не осталось другого какъ прибѣгнуть за помощью къ государю.

«Я увѣренъ, пишетъ Каразинъ, что Ваше Сіятельство захотите довести мое письмо до свѣдѣнія Всемилоствѣйшаго Государя Императора; ибо никакой нѣтъ возможности мнѣ миновать, чтобы не занять собою еще нѣсколькихъ минутъ у Его Величества. Я прибѣгаю къ нему, въ которомъ я всегда видѣлъ олицетворенное великодушіе. Да насладится доброе Его сердце симъ торжествомъ»!...

Вотъ о чемъ просить Каразинъ государя:

«Повергаюсь къ стопамъ Самодержца благодѣтельнаго, котораго я оскорбилъ, но къ которому есть и буду, какъ искони былъ, приверженъ, и умоляю Его *или* дать мнѣ заимообразно подъ залогъ моего имѣнія пособіе въ настоящей моей скудости, пособіе, за которое я потщусь платить доводя день ото дня въ большее совершенство всѣ мои заведенія, въ пользу простого народа сдѣланныя, особливо училище, бывшее уже предметомъ благоволительнаго вниманія правительства. Я обязываюсь его распространить и облечь въ классическій видъ для здѣшней и прилегающихъ губерній подобно Фелленбергову и Песталоціеву, но въ системѣ болѣе приличной положенію Россіи, духу ея народа и намѣреніямъ великаго ея Государя. Эта мысль была уже мною представлена на благоусмотрѣніе вдовствующей Государыни Императрицы въ лѣтнее наше пребываніе въ Павловскѣ въ прошедшемъ году. Симъ образомъ будетъ сохранено достояніе шестерыхъ моихъ сыновъ, даръ Царскій за службы дѣда ихъ; и мнѣ до конца моей жизни будетъ дано пристойное упражненіе. *Или* благоволить принять сіе мое имѣніе (340 душъ муж. пола и 2660 десятинъ угодьевъ) въ казну съ тѣмъ, чтобы, сохранивъ учрежденія въ немъ существующія, сдѣлать оныя къ пріобрѣтенію изъ казенныхъ имѣній дохода, несравненно большаго, нежели каковой оныя теперь доставляютъ, именно *дохода основаннаго на платежѣ* съ земли, къ коему поселяне мои привыкли и будутъ продолжать его доставлять *всякому другому начальству и во всякомъ другомъ состояніи*. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, избытокъ за удовлетвореніемъ кредиторовъ, я могу оставить въ казнѣ по смерти моею, съ тѣмъ, чтобы только проценты ко мнѣ пересылались въ чужіе края, гдѣ—если позволено будетъ—я стану оканчивать воспитаніе моихъ дѣтей».

На сколько справедливой являлась эта мольба о помощи? Къ сожалѣнію, она вполне соотвѣтствовала истинному положенію матеріальныхъ обстоятельствъ Каразина. Черезъ годъ, въ 1823 г., часть села Кручика была взята «въ казенный присмотръ», а въ слѣдующемъ,

1824 году, земским судомъ поручикъ графъ Подгоричани-Петровичъ былъ введенъ во владѣніе большей половины села Кручика. Въ 1825 г. Каразинъ снова обращается къ государю за помощью, но письмо не попало въ руки императора ¹⁾. Въ 1826 г. Каразинъ былъ уже такъ обремененъ долгами, что со дня на день ожидалась конфискація и продажа съ публичнаго торга села Кручика, въ силу чего губернаторъ обращается къ министру внутреннихъ дѣлъ за разрѣшеніемъ вопроса, «гдѣ долженъ будетъ имѣть пребываніе Каразинъ, когда с. Кручикъ обратится въ продажу»? ²⁾

Былъ еще одинъ разрядъ дѣлъ, который тревожилъ Каразина въ ссылкѣ. Это дѣла по Филотехническому обществу, правителемъ дѣлъ котораго онъ состоялъ. Какъ таковой, онъ долженъ былъ напечатать отчетъ по обществу, но безъ позволенія теперь, въ ссылкѣ, не рѣшался на это, въ виду чего и обращается въ томъ же прошеніи къ гр. Кочубею за этимъ рѣшеніемъ.

«Я *долженъ* еще обратить вниманіе Вашего Сіятельства на то отношеніе къ публикѣ, въ которое меня ставятъ званіе правителя дѣлъ Высочайше утвержденнаго въ 1811 году Филотехническаго общества и *объявленіе*, напечатанное въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ прошедшемъ году о изданіи сего общества Актовъ. Получивъ обратно большую часть изъ моихъ бумагъ, я въ числѣ ихъ нашелъ почти все то, что я назначалъ для Актовъ. Почему и осмѣливаюсь думать, что мнѣ будетъ позволено заняться симъ трудомъ. Но я конечно не приступлю ни къ такому, ниже ко всякому другому публичному литературному занятію безъ позволенія. Долженъ бывши на сихъ дняхъ писать обыкновенный въ концѣ года отчетъ мой обществу, я послѣ отъѣзда господина Губернатора осмѣлюсь препроводить его прямо на имя Вашего Сіятельства, дабы совершенно отъ васъ зависѣло поступить съ нимъ по благоусмотрѣнію.

Простите, Милостивый Государь! заключаетъ свое прошеніе Каразинъ, и вѣрьте, что я вѣчно съ глубочайшимъ къ Вамъ почтеніемъ пребуду Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга: В. Каразинъ.

Декабря 17-го 1821 г.
Село Кручикъ.

Графъ Кочубей исполнилъ просьбу Каразина: его прошеніе было доложено государю, но результатъ этого доклада не только не облегчилъ положеніе находящагося въ ссылкѣ, а еще болѣе ухудшилъ его.

¹⁾ Н. Тихій. В. Н. Каразинъ, 238—239.

²⁾ Рус. Стар., 1900, VII, 154.

Графъ Кочубей прислалъ слободско-украинскому губернатору Муратову слѣдующую резолюцію государя отъ 24 февраля 1822 г. «Милостивый Государь мой, Василій Гаврилович! Врученную мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ просьбу статскаго совѣтника Каразина, въ разсужденіи денежнаго ему пособія и изданія актовъ Филотехническаго общества, я счелъ долгомъ довести до Высочайшаго свѣдѣнія.

По содержанію сей просьбы Его Императорское Величество отозваться изволилъ, чтобы Г-ну Каразину объявлено было черезъ Ваше Превосходительство:

1. Что ему запрещается издавать въ свѣтъ какъ акты Филотехническаго общества, такъ и всякое другое литературное произведеніе.

2. Что Его Величество столь же мало имѣетъ расположенія оказать ему какое либо пособіе, сколь мало *приличія* г. Каразину обращаться къ Его Величеству съ *подобною* просьбою, *послѣ всего съ нимъ случившагося*.

Сообщая сей Высочайшій отзывъ Вашему Превосходительству къ надлежащему исполненію, честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ.

Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга, подп:

графъ В. Кочубей.

НВ. (Въ семъ отпускѣ сдѣланы поправки собственною рукою Его Императорскаго Величества).

Подчеркнутыя слова Его Величества».

Такимъ образомъ ни о какомъ пособіи не могло быть и рѣчи, мало того, дѣлалось новое ограниченіе его правъ, еще болѣе увеличивавшее тяжесть ссылки, именно, запрещалось ему издавать въ свѣтъ всякое его литературное произведеніе.

Въ этой резолюціи проявилось не только суровое, но и непримиримое отношеніе государя къ Каразину. Время не смягчило этого отношенія, напротивъ, какъ только государь вспомнилъ о Каразинѣ, а напомнилъ о себѣ самъ Каразинъ, гнѣвъ противъ него снова поднялся и проявился въ новомъ, отягчающемъ его жизнь, условіи. Такое именно отношеніе особенно ясно видно, если мы сравнимъ только что приведенную резолюцію съ ранѣе написаннымъ проектомъ резолюціи, отъ 16 февраля, черновой набросокъ котораго сохранился въ дѣлѣ и который первоначально и былъ представленъ государю.

Привожу эту первую редакцію резолюціи.

«Высочайше повелѣно Г. Каразину чрезъ гражданскаго губернатора объяснить, 1) что ему запрещается издавать филотехническій отчетъ и

всякія литературныя произведенія; 2) что Его Величество столь же мало имѣть склонности оказывать ему какое либо пособіе, сколько г. Каразинъ долженъ бы имѣть мало рѣшимости онаго требовать. Февраля 16 1822 года».

Въ первомъ пунктѣ и та и другая редакціи существенно не отличаются другъ отъ друга. За то во второмъ пунктѣ между обѣими редакціями рѣзкая разниа и по общему характеру, и по содержанію.

Не нужно забывать при этомъ, что эти измѣненія второй редакціи произошли отъ внесенія нѣ нее собственноручно государемъ цѣлаго ряда словъ. Характеръ первой редакціи—неопредѣленность и расплывчивость, вторая выражаетъ вполнѣ опредѣленный характеръ отношенія государя къ Каразину и указываетъ при этомъ мотивы такого отношенія.

Еще болѣе интереснымъ является сравненіе обѣихъ редакцій по содержанію.

Изъ первой вслѣдствіе указаннаго ея характера—неопредѣленности и расплывчивости,—ничего извлечь нельзя, вторая производитъ впечатлѣніе именно такой непримиримости; это впечатлѣніе Александръ I хотѣлъ самъ подчеркнуть, собственноручно измѣняя свою резолюцію.

Для наглядности я повторю здѣсь второй пунктъ второй редакціи: «2) Что Его Величество столь же мало имѣетъ расположенія оказать ему какое либо пособіе, сколь мало *приличія* г. Каразину обращаться къ Его Величеству съ *подобною* просьбою, *послѣ всего съ нимъ случившагося*»

И такъ, по мнѣнію государя обращеніе къ нему Каразина «съ *подобной* просьбой», т. е. съ просьбой о помощи, вспоможеніи, съ просьбой о милости, такъ же мало вызывало желанія у государя оказать ему эту помощь, какъ мало въ этомъ обращеніи Каразина заключалось *приличія*, т. е. оно было совершенно неприлично.

Въ слѣдующей строкѣ государь самъ объясняетъ, почему онъ такъ думаетъ: «*послѣ всего съ нимъ случившагося*».

Слѣдствіе, произведенное по дѣлу Каразина во время заключенія его въ Шлиссельбургъ, не подтвердило подозрѣнія, что онъ авторъ прокламаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не уничтожило его. Авторъ прокламаціи, несмотря на то, что «были употреблены всѣ средства»¹⁾, такъ и остался неразысканнымъ.

Съ другой стороны извѣстно, какой недовѣрчивостью и подозрительностью отличался императоръ Александръ I вообще, а въ послѣдніе годы

¹⁾ Изъ письма Кочубея къ государю отъ 26 ноября 1820 г. В. И. Семеvскій. Былое, 1907, II, 96.

своего царствованія въ особенности. Что же удивительнаго, если разъ запавшее въ душу государя подозрѣніе, что Каразинъ такъ или иначе замѣшанъ въ Семеновской исторіи, тамъ и осталось?

Это соображеніе подтверждается письмамъ Александра I гр. Кочубею изъ Лайбаха отъ 3 января 1821 г.

«Предложите гр. Милорадовичу обратить самое серьезное вниманіе на дѣло Рощина и на его бумаги. Если дѣло будетъ поведено толково, то быть можетъ будетъ возможно открыть источникъ происхожденія пасквиля и даже всей исторіи въ Семеновскомъ полку, относительно которой я навсегда останусь при убѣжденіи, что она произведена людьми, не принадлежащими къ числу военныхъ, а лицами вродѣ Каразина и Комп.»¹⁾

Это отношеніе государя къ Каразину нашло свое полное отраженіе въ поступкахъ по отношенію къ Каразину лицъ, окружавшихъ Александра. Въ апрѣлѣ 1722 г. Каразинъ, пославъ гр. Кочубею нѣсколько чужихъ книгъ, просилъ послѣдняго раздать ихъ по принадлежности. Въ отвѣтъ на эту просьбу Кочубей секретно предложилъ слободско-украинскому губернатору довести до свѣдѣнія Каразина, чтобы онъ не обращался къ нему съ подобными порученіями «и вообще съ отношеніями своими», такъ какъ «по положенію, въ которое онъ поставилъ себя разными дѣйствіями, навлекшими неудовольствіе государя», онъ, Кочубей, по своему званію, не находитъ возможнымъ имѣть съ нимъ переписку²⁾.

Въ письмѣ Каразина къ губернатору Муратову, приведенному мною выше, заключалась между прочимъ и просьба исходатайствовать у министра возвращенія недосланныхъ ему бумагъ изъ бывшихъ съ нимъ въ Петербургѣ. Эти бумаги въ августѣ 1822 г. были возвращены Каразину, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ его собственноручная росписка, сохранившаяся при дѣлѣ.

«1822 г. Августа 2 дня, три тюка въ холстѣ подъ литерами Г. С. С. К. доставленные отъ Его Сіятельства г. Управляющаго М. В. Д. мною чрезъ Г-на Богодуховскаго Исправника въ цѣлости нераспечатанные сего числа получены. Стат. сов. и Кавалеръ Василій Назарьевъ сынъ Каразинъ³⁾».

Пр.-доц. *Е. Трифилевъ.*

¹⁾ В. И. Семевскій. Былое, 1907, II, 98.

²⁾ В. И. Семевскій, Былое. 1907, III, 110.

³⁾ Архивъ М. В. Д. Д-та Общихъ Дѣлъ 1822 г. № 120.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1911

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
1911

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
1911

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
1911

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
1911

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
1911

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
1911

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
1911